

Список литературы

1. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. М.: АCADEMIA, 2001–2002.
2. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977.
3. Рассадин В.И. Монголоведные исследования. Ч. I: Лексикология. Этимология. Диалектология. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015.
4. Цыденжапов Г., Бадиева Е. Бурятская кухня. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1991.
5. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад ород толи. Бурятско-русский словарь. Т. I–II. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010.
6. Шовгурова А.С., Вяткина В.А. Калмыцкая кухня. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1982.
7. Монгол идээн товчоо. Улаанбаатар, 1991.
8. Хоол бэлтгэх арга ажиллага. Улаанбаатар, 1973.

* * *

1. Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar': v 4 t. M.: АCADEMIA, 2001–2002.
2. Kalmycko-russkij slovar' / pod red. B.D. Munieva. M.: Izd-vo «Russkij jazyk», 1977.
3. Rassadin V.I. Mongolovednye issledovanija. Ch. I: Leksikologija. Jetimologija. Dialektologija. Jelista: Izd-vo KalmGU, 2015.
4. Cydenzhapov G., Badueva E. Burjatskaja kuhnja. Ulan-Udje: Burjatskoe knizhnoe izd-vo, 1991.
5. Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. Burjaad orod toli. Burjatsko-russkij slovar'. T. I–II. Ulan-Udje: Respublikanskaja tipografija, 2010.
6. Shovgurova A.S., Vjatkina V.A. Kalmyckaja kuhnja. Jelista: Kalm. knizh. izd-vo, 1982.
7. Mongol idjejen товчоо. Улаанбаатар, 1991.
8. Hool bjeltgtgijh arga azhillaga. Улаанбаатар, 1973.

Mongolian vocabulary on the topic “cooking recipes” in Khalkha Mongolia, Buryat and Kalmyk languages

The article deals with the methods of cooking of some dairy products (in our case the texts of recipes) that reflect the historical reality of this nation, which has a specific purpose and pragmatic aim. The terms of dairy products have developed in the Mongolian languages in the period when these ethnic groups organized dairy farms. Dairy foods in life of the Mongolians play a special role, as they start both everyday life and festive receptions.

Key words: *Mongolian vocabulary, cooking recipes, methods of cooking, the Khalkha Mongolian language, the Buryat language, the Kalmyk language, dairy foods.*

(Статья поступила в редакцию 22.09.2017)

Б.Х. БОРЛЫКОВА
(Элиста)

«ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТАТУС» ПЕРСОНАЖЕЙ КАЛМЫЦКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

На основе известной работы Е.С. Новик «Система персонажей русской волшебной сказки» представлен опыт описания семантических признаков, определяющих «индивидуальный статус» персонажей калмыцких волшебных сказок из репертуара Санджи Бутаева. В результате анализа семантических признаков установлено, что персонаж калмыцкой волшебной сказки – воплощение тех семантических признаков, которые создают конфликтные ситуации и обыгрываются в пределах эпизода или всего сюжета.

Ключевые слова: *калмыцкие волшебные сказки, персонаж, семантические признаки, индивидуальный статус, пол, возраст, индивидуальные качества.*

Вопрос о возможности системного подхода к изучению персонажей русской волшебной сказки был поставлен в работах В.Я. Проппа «Морфология сказки» [10], «Исторические корни волшебной сказки» [11], а также в статье Е.С. Новик «Система персонажей русской волшебной сказки» [9].

В.Я. Пропп в монографии «Морфология сказки» под функцией подразумевает поступок, совершаемый главным персонажем, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия. Например, «антагонист пытается произвести разведку», «антагонисту даются сведения о его жертве», «одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо» и др. Автор монографии указал семь действующих лиц: герой, вредитель, даритель, помощник, царевна, отправитель и ложный герой [10]. В следующей своей книге «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп сделал акцент на анализ того, как мифологические персонажи переходят в сказочные персонажи. «Совпадение композиции мифов и сказок с той последовательностью событий, которые имели место при посвящении, заставляет думать, что рассказывали то самое, что происходило с юношей, но рассказывали это не о нем, а о предке, учредителе рода и обычая, который, родившись чудесным об-

разом, побывав в царстве медведей, волков и пр., принес оттуда огонь, магические пляски (те самые, которым обучают юношей) и т.д.» [11, с. 429].

В исследовании Е.С. Новик осуществляется попытка произвести описание системы персонажей в том виде, в каком они представлены в самой волшебной сказке, независимо от корней, их породивших [9]. Все сказочные персонажи охарактеризованы с точки зрения их индивидуальных, семейных, сословных и локальных состояний и объединены в четыре большие группы: «Индивидуальный статус», «Семейный статус», «Сословный статус», «Локализация».

В системе персонажей волшебной сказки калмыков центральное место занимает главный герой, вокруг которого происходят все события и раскрываются остальные образы. Изучению персонажей калмыцкой сказки посвящены работы М.Э. Джимгирова [6], И.С. Надбитовой [8], Б.Б. Горяевой [4; 5], Т.Г. Басанговой [1], Б.Х. Борлыковой [2] и др.

В монографии М.Э. Джимгирова «О калмыцких народных сказках» дана общая характеристика героев волшебных сказок калмыков: младший брат, «золушка», сиротка и герои [6, с. 41]. Фольклорист И.С. Надбитова в своей работе «Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок» рассматривает персонажей калмыцкой волшебной сказки по двум категориям: по социальному положению (младший брат, сиротка, герой-богатырь) и по происхождению (чудесные герои, противники героя, помощники – антропоморфные, зооморфные персонажи) [8, с. 108].

Согласно исследованию Е.С. Новик, семантические признаки персонажа не только определяют характер сказочных коллизий, они меняются по ходу сюжета в силу того, что персонаж представляет собой «пучок признаков». Эта особенность делает структуру персонажа удобной для сказочного повествования, т.к. она оказывается хорошо приспособленной для работы в условиях сюжета, построенного на ритмах потерь и приобретений [9].

В настоящей работе рассматриваются семантические признаки, описывающие внутренние и внешние характеристики персонажей калмыцкой волшебной сказки с точки зрения их индивидуальных состояний. Материалом для анализа послужили волшебные сказки сборника «Буутан Санжин туульс» («Сказки Санджи Бутаева») [3].

Рассмотрим на калмыцком сказочном материале отношения семантических признаков внутри группы «Индивидуальный статус», которая состоит из признаков пола (мужской / женский), возраста (старый / молодой, взрослый / ребенок); признаков, относящихся к индивидуальным качествам персонажа (естественный / чудесный, антропоморфный / неантропоморфный).

Сверхъестественные существа представлены в волшебных сказках Санджи Бутаева обширной группой антропоморфных персонажей: *Седкур бурхн* (бурхан Седкур), *эрлгин хойр элч* (два посланника Эрлик-хана), *шулм хаттд* (ведьмы-ханши) и др. К неантропоморфным персонажам калмыцкой волшебной сказки мы относим *хан Һард* (орел), *Зиндман Алтн Лу* (Золотой Дракон Чинтамани), *темэнэ ботхн* (верблюжонок), *шовун* (птица), *буһшта меклэ* (лягушка в горшке), *моһа* (змея), *моһа бурхна хувльн* (перевоплощение Бога змей), *Усн хадын эзн* (Хозяин вод), *моһа хан* (Змея-Хан), *Деед бурхна хувльэн* (перевоплощение Бога) и др.

В калмыцких волшебных сказках неопределенность внешнего облика персонажа восполняется признаками пола (мужской / женский) и возраста (взрослый / ребенок и старый / молодой). Например, *өнчн Борлда көвүн* (юноша-сирота Борлда), *сар-нар дуудулсн сэхн күүкн* (красавица с ликом, подобным солнцу и луне), *шулм күүкд* (чертовки), *шулм хаттд* (чертовки-ханши), *лам күүкн* (дочь ламы), *дордын орна күүкн* (девушка из Нижнего мира), *Укр чиктэ хан* (Хан с коровьими ушами) и др. Очень часто встречаются персонажи, которых нельзя классифицировать по полу. Речь идет о божествах и сверхъестественных существах, например: *Седкур бурхн* (бурхан Седкур), *Мурз* (Мурза), *Зиндман Алтн Лу* (Золотой Дракон Чинтамани), *алтн заһсн* (золотая рыбка), *нуһсн* (утка), *меклэ* (лягушка), *моһа* (змея), *темэнэ ботхн* (верблюжонок) и др.

В русских волшебных сказках при превращении человека в животное обычно соблюдается их соответствие по полу: змей, волк, козел, сокол, орел, ворон – зачатые царевичи; утица, лебедушка, медведица, рысь и др. – царевны [9]. В калмыцких сказках же при превращении человека в животное не маркируется пол: младший брат оборачивается в красивого жеребца (*сэххн ажрһ*), мальчика (*жирмэхэ*), белого зайца (*цаһан туула*), птицу (*шовун*), разделитель-зерно четок (*эркнэ бумб*), просо (*зарм*), растущий тополь (*урһа уласн*), лягушку

(меклэ); семь братьев волшебников – в черную щуку (*хар цурх*), белую гончую собаку (*цаһан начн*), лису (*арат*), семь черных сорок (*долан хар шаазһа*), семь куриц с сорока девятью цыплятами (*така дөчн йисн һуужмлта*); девушка превращается в золотую рыбку (*алтн захсн*), утку (*һуһсн*), птицу (*шовун*), старуху (*көгшин эмгн*). Это можно объяснить отсутствием категории рода в калмыцком языке.

Обозначение возраста весьма существенно для характера функционирования персонажа. «Старые» обычно выступают в роли советчиков. Так, в сказке «Һурвн зун боргч гүүтэ Өнчн Борлда көвүн» («Юноша-сирота по имени Борлда с тремястами сивыми кобылицами») Белый старец советует главному герою юноше-сироте Борлде победить волка и получить у него волчонка-девочку, которая заменит ему потерянные им триста сивых кобылиц (*Тегэд эмн-андһаринь авад, күүкн шар кичгинь ав. Тегэд һурвн зун боргч гүүнчн хару ирснлэ адл юмн болх* [3, с. 40]).

Белый старец (калм. *Цаһан өвгн* «Белый старец», *Цаһан аав* «Белый дед», *Цаһан авһ* «Белый дядя по отцовской линии», *Делкән Цаһан аав* «белый дед Мира») – древний образ калмыцкой мифологии, посланник божеств и чудесный даритель, хозяин местности и покровитель судеб. В сказке «Бужһр бор мөртэ Бужлда Мергн» («Буджилда Мерген с сивым конем») мать-толкователь снов (калм. *зүүдч*) подсказывает сыну, как победить врагов: двух черных воронов, волка, двух посланников Эрлик хана, Золотого Дракона Чинтамани (*Экнь зүүдч. Өдр деерән юн болхинь келчкдг. Өрүн босад, көвүндән келчкдиж: «Эндр тиим юмн болжана», – гийәд* [Там же]); в сказке «Хана тускар» («О хане») три тетушки жены главного героя помогают ему «пойти туда, неизвестно куда, найти то, неведомо что» (*Һурвн наһц эгчтә бәәж. Экиннь эгчнр. Тедн талан тәвәд, теднәр дәврх. Нег монда утц өгнә* [Там же, с. 54]); в сказке «Үмкә Төрлт хаани тууж» («История о хане Умкя Тёрлтя») дедушка по материнской линии отправляет восемнадцатилетнего внука сразиться с мачехой-шулмуской и освободить отца из ее плена (*Тегэд наһц эцкнь хәләж-хәләжәһәд: – Нә, минь тер шулл гергиг дарх дарнхнь – чи, ода арвн нәэм оруч. Нә, тиим болхла, йов, – болад, наһц эцк мөрн-эмәл, хазар-хуви, зер-зевинь ясад, зееһән тәвнә* [Там же, с. 85]; в сказке «Һурвн көвүтә эмгн» («Старуха с тремя сыновьями») сыновья по совету матери возводят буддийский храм (*Сәм-соврһн босхтн. Сәм-соврһн босххла, түүнәс даву буйн гижә уга* [Там же, с. 97]).

В некоторых калмыцких волшебных сказках умершие родители во сне детям советуют, как правильно им поступить в реальной жизни. Например, в сказке «Өнчн көвүнә туск тууль» («Сказка о юноше-сироте») отец-покойник приходит к дочери и советует ей вернуться к мужу (*Эцкнь зүүднднь оржана. Үксн күн үкәр талан, өгсн күүкн һазр талан болв. Ода юндән, эцкдән тас тус күргәж чад-иго болжә һарнал эн. «Йов, – гижәнә. – Хару тер һазран орад»* [3, с. 85]).

Следует отметить, что «Старые» могут выступить в роли испытателей. Так, в сказке «Хана тускар» («О хане») юноша Чода женится на красавице в птичьем обличе, хан Манджин Ваня хочет отнять ее и ставит перед героем трудные задачи (*Ваня түүнәсн үкс босн, зүүгәд хәржә ирәд, Хо һалзн мөртә Хоодан көвүн Чоодан герг авх кергтә юмн болжана* [Там же, с. 53]); в сказке «Һурвн көвүтә өвгн» («Старик с тремя сыновьями») Хан-Шахматист испытывает Улада Мергена, играя с ним в шахматы (*Шатрч хан хойр хурц үлд авч ирәд, негинь бийиннь өвдг доран тәвсн, негинь Улада Мергнд өгчәнә: – Мә. – Яахм эн үлдәртн? – Би чәмәг кемржән шүүснәс нааран, дорчн тольһичн чавчхв. Кемржән чи нәмәг шүүхлә, минн тольһа чавчхич* [Там же, с. 67]).

«Молодые» персонажи в волшебных сказках Санджи Бутаева зачастую являются главными героями или соперниками героя. Например, в роли героя выступают младший брат (*бичкн дү*), сын богача (*байна көвүн*), юноша-сирота Борлда (*Өнчн Борлда көвүн*), юноша Буджилда Мерген (*Бужлда Мергн көвүн*), сын Ходы Чода (*Хоодан көвүн Чоода*), юноша Улада Мерген (*Улада Мергн көвүн*), сын старика охотника (*аһһуч өвгнә көвүн*), юноша Амха Цецен (*Амха Цецн көвүн*), дочь ламы (*ламин күүкн*). Если говорить о роли соперников главного героя, то в сказке «История о бурхане Седкюр» семь братьев-сверстников спорят, кому достанется красавица ханская дочь (*Авч ирәд, ода ах-дү долан күүкән булалдна, эн дегд сәәхн болхлань* [Там же, с. 36]); в сказке «Юноша-сирота по имени Борлда с тремястами сивыми кобылицами» ханский сын пытается отнять жену юноши-сироты Борлды (*Одак гергнә өөрәс һарч чаджәхн уга. «Шуд үнүг авхм, наһц юмн кергго», – санжәна ода тас* [Там же, с. 42]).

Для героя-ребенка круг действий ограничивается движением от «потери дома» до «возвращения домой», в то время как для взрослого «потеря семьи» компенсируется «создани-

ем новой семьи», т.е. вступлением в брак [9]. В калмыцкой волшебной сказке «История о хане Умкя Тёрлтя» хан Умкя Торлт, оставшись вдовцом, женится на дочери пастуха шулмуске. Чтобы излечить жену-шулмуску, он согласен убить своих родных детей. Однако служанки, пожалев их, отпускают и вместо печени и почек детей приносят мнимо больной шулмуске собачьи печень и почки. Маленький сын Умкя Торлт хана Амха Цецен был вынужден покинуть родное ханство из-за шулмуски-мачехи. Но повзрослев, он убивает шулмуску и спасает от смерти отца [3, с. 79–87]. Следует отметить, что старуха-шулма (ведьма) в рассматриваемой сказке представлена как зооморфное существо со стальным клювом (калм. *болд хоңшарта*).

Дальнейший комплекс функций персонажей калмыцкой волшебной сказки может быть осуществлен с помощью системы признаков, описывающих «модусы внутреннего и внешнего состояний героя», а также связанных с оценочными категориями. Это оппозиции «живой / мертвый», «здоровый / больной», «сонный / бодрствующий», «целый / расчлененный», «истинный / преображенный», «видимый / невидимый», «сильный / слабый», «мудрый / глупый», «добрый / злой», «красивый / уродливый», «чистый / грязный», «большой / маленький».

Оппозиция «живой / мертвый» пронизывает многочисленные ситуации калмыцкой волшебной сказки, где герою грозит смерть: мачеха-шулмуска хочет убить и съест печень и легкие детей хана Умкя Торлт. Печень и почки в калмыцком сказочном фольклоре являютсяместилищем души, средоточия жизни (*Нанд Сар Чикн Амха Цецн хойрин элкн-оошк зогхмн, – гиж хатн келнэ* [Там же, с. 82]); дочь Хозяина вод пятнадцатилетняя арагни Алтан Герл испытывает Улада Мергена, вынудив его окунуться в кипящее молоко (*Усн хадын эзни арвн тавта арагни дан Алтн Герл күүкн келжэнэ: «Эн арвн тавн хар Һалзгч гүүг сааһад, нег хээн үс, нег хээн ус буһлад, буһлжасн усарнь орад, үсэрнь дамжад Һарсн күн – тер күн намэг өргэлхм»* [Там же, с. 71]), или происходит наказание вредителя: барс загрыз старика, который хотел жениться на дочери старика и старухи (*Тегэд тер хоордан худл келсн өвгн барст бийдн шуучулад хуурна* [Там же, с. 71]); младший брат в доме ламы убивает своих преследователей – семерых братьев-волшебников, которые перевоплотились в семь куриц с сорока девятью цыплятами (*Эркнэ бумбд шиңгрсн көвүн Һарч ирэд,*

долан Һуужмулта дөчн йисн такасд хуврде чөлө өлгө, негн куртльн цокад алад оркна [3, с. 24]); Буджилда Мерген двух посланников Эрлик-хана заживо сварил в котле с бульоном, когда те пытались съесть сваренное мясо (*Махиг зөв-зөвэр идүлжэһэд, Бужлда Мерген эрлгин хойр элчиг бэржэ авад, зооһаснь Һурвад сур авад, авсн сурин ормар Һурвад малядад, хээстэ хорһта шөлнд авад хутхжэ-хутхжаһад, халун хотд хутхнал эдниг* [Там же, с. 49]); змея, преследовавшая парня с девушкой, выпив всю воду озера, лопнула (*Нуурин усиг нуһс гиж ууһад, бальчгта ус ууһад бээж, моһан Һольһань хаһрхов эн* [Там же, с. 79]).

К рассматриваемой оппозиции относится мотив временной смерти и оживления. В сказке «История о бурхане Седкюр» ханский сын, чтобы заполучить засватанную ему ханскую дочь, убивает сына богача. В конце сказки шесть друзей, найдя тело сына богача под валуном, оживляют его [Там же, с. 32–33].

Мертвое персонифицируется в антропоморфных существах обоего пола – мертвецах, вампирах (волшебный мертвец калм. *Седкюр бурхн* «бурхан Седкюр», ойр. *Sidhi-tü küür**; шулумуска-вампирша со стальным клювом), в виде частей тела (*дөрвн мөч* «четыре конечности»). Волшебные предметы служат «операторами» умерщвления (*сүк* «топор», *шоврг* «коромысло», *болд хоңшар* «стальной клюв», *утх* «нож» и пр.) и оживления (*үүлн цаһан эм* букв. «белая как облако мазь», правильное будет *үйин цаһан эм* «мазь из жира горностая») [7, с. 21–22].

Часто временная смерть эквивалентна сну (в «Сказке о юноше-сироте» спящую ханшу, приняв за вампира, пытаются убить хан, мужчины, женщины [3, с. 95]), а сон дан как временная смерть. Например, в сказке «История о бурхане Седкюр» мертвый сын богача после оживления встает и говорит: «Пөө-пө, яһсн удан унтсмб» (букв. «По-по, как я долго спал») [Там же, с. 33], в сказке «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») убитый, расчлененный и измельченный в куски старик также после оживления встает со словами: «Ю, эмгн, би яһсн удан унтсмб» («Ой, старуха, как долго спал я») [Там же, с. 89].

Оппозиция «больной / здоровый» зарождает разные ситуации. Например, в сказке «Старик с тремя сыновьями» хан теряет зре-

* Седкюр бурхна тууж – это переосмысление обрамления литературного сборника монгольских народов «Сиддиту күр» («Волшебный мертвец»), восходящего к памятнику древнеиндийской литературы «Веталапанчавиншати» («Двадцать пять рассказов Веталы») [4, с. 253].

ние, и, чтобы вернуть его, отправляет сыновей в края, в которых еще не бывал: «Мини күрэд уга һазрт күрэд, үзэд уга юм үзэд, соңсад уга юм соңсад, ууһад уга хотм ууһад, өмсэд уга хувцм өмсхлә, нанд нүдн орхмн» («Мне вернется зрение тогда, когда вы дойдете туда, где я еще не был, увидите то, что я еще не видел, услышите, то что я еще не слышал, отведаете пищу, которую я еще не ел, наденете одежду, которую я еще не носил») [3, с. 64].

Эта мена облика при оживлении переводит оппозицию «живой / мертвый» в оппозицию «целый / расчлененный». Расчленение тела идентично убийству. Так, мачеха-шулмуска просит у хана Утмкя Торлт лекарство: печень и почки его детей. Хан велит прислуге зарезать дочь и сына и принести в доказательство их смерти печень и почки [Там же, с. 82]; семь парней не поделив красавицу, разрубили топором ее на семь частей [Там же, с. 37]; хан велит поймать старика, разрубить его, накрошить на мелкие кусочки и размешать в ведрах с говядиной и бараниной [Там же, с. 88–90], а собранное из кусков тело вновь становится живым (в сказке «Цецн күүкн» старуха заносит куски тела старика в деревянных ведрах, лягушка-сын магическим действием оживляет старика [Там же, с. 82]; в сказке «История о бурхане Седкюр» сын лекаря, собрав и разложив кости сына богача, смазав мазью из жира горноста, вдохнул в него жизнь [Там же, с. 33]).

Убиение может состоять в разрывании тела на части: хан казнит двух ханш-шулмусок, привязав к хвосту семидесяти коней и разметав их тела по степи (*Далн мөрни сүүлэс далн талагшан таслад, тегэд тер ламын күүк авад, амрад-жирьэд бээж тер хан* [Там же, с. 97]).

Оппозиция «истинный / преображенный» связана с многочисленными формами изменения облика, к которому прибегает сам персонаж: птица оборачивается красавицей, лягушка превращается в юношу, черный вол перерождается в хана с коровьими ушами [Там же, с. 97, 87, 98] и др.

Оппозиция «видимый / невидимый» воплощается в таких персонажах, как невидимые слуги. В волшебных сказках Санджи Бутаева встречается только один невидимый слуга – Мурза (калм. *Мурз*). Мурза – волшебный невидимый помощник, который помогает герою Чоде заполучить волшебные предметы *тоовг-шаавр* (колотушка), *турба* (труба), благодаря которым он строит дворец и одерживает победу над войском хана Манджин Вани.

Оценочные признаки, как и модусы состояний, относятся к внутреннему миру персонажа или к его внешности. Оппозиция «добрый / злой» весьма существенна для волшебной сказки, т.к. именно эти признаки служат основой для деления персонажей на героев, тех, кто находится на их стороне (даритель, помощник), и антагонистов. Так, в сказке «История о бурхане Седкюр» помощниками сына богача являются его шесть друзей (сын ясновидца, сын кузнеца, сын лекаря, сын резчика, сын маляра, сын астролога), антагонист – сын хана, который отнял у сына богача жену; в сказке «Юноша-сирота по имени Борлда с тремястами сивыми кобылицами» помощники героя – седой старец, жена-волк, антагонисты: сын хана; в сказке («Бужлда Мерген с сивым конем» помощницей героя выступает его мать, антагонисты – два ворона, волк, два посланника Эрлик-хана, Золотой Дракон Чинтамани; в сказке «О хане» помощники и дарители героя – жена, три тетушки жены, Мурза; антагонист – хан Манджин Ваня и др.

Однако в основном эта оппозиция маркирует правила поведения действующих лиц, т.е. носит скорее морально-этический характер, что связано с ведущей ролью, которую она играет в предварительном испытании (добрый герой шадит пленника, кормит голодного, помогает слабому, злой ложный герой этого не делает и не получает чудесного средства). В сказке «Старик с тремя сыновьями» Улада спасает змею, у которой в пасти застрял рогами баран. Змея оказалась перевоплощением бурхана. Герой за спасенного бурхана получает Хамбалинского вороного коня. Именно этот конь становится его верным спутником, помогает ему справиться с поручениями Хана-Шахматиста: привезти красавицу, волшебного жеребца, искупаться в кипящем молоке кобылиц [3, с. 65–66].

Оппозиция «мудрый / глупый» связана с такими персонажами, как мудрец, мудрый парень, мудрая девушка, лама, седой старец, мудрая мать, обладающая даром разгадывать сны, помогать тем самым сыну [Там же, с. 47–50]. «Умный» младший брат противопоставлен «глупым» старшим братьям [Там же, с. 21–23].

Признаки «сильный / слабый» определяют свойства физической силы героя. Эти признаки воплощаются в таких персонажах, как Буджилда Мерген, который побеждает волка, двух посланников Эрлик-хана, Золотого Дракона; чудесный предмет – чудесная колотушка (калм. *тоовг-шаавр*), которой побеждают многочисленное войско и др.

Реализацией оппозиции «сильный / слабый» служит мотив испытания силы: поднять камень (сын кузнеца поднимает камень, чтобы спасти своего друга сына богача); укротить коня (Улада Мерген укрощает коня Хозяина вод); искупаться в кипящей воде (Улада Мерген окунулся в кипящем молоке) и пр.

Красивая девушка в сказках Санджи Бутаева очень часто описывается «формулой свечения»: красавица с ликом, подобным солнцу и луне (калм. *сар-нар дуудулсн сээхн күүкн*); красивая девушка, при свете ее можно стеречь табун, в сиянии ее можно рукодельничать (калм. *гегэнднь үүл бэрм, герлднь аду манм сээхн күүкн*). В монографии Б.Б. Горяевой «Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система» выделены четыре подгруппы формулы красоты сказочной героини: «1) небесные светила как “части тела”; 2) “собственное” излучение света (без светил); 3) персонажи, пораженные красотой героини (героя), забывают обо всем (о времени) или “сходят с ума”; 4) “следствия” жестов, движений, эмоций» [5, с. 86–92]. В сказке «Юноша-сирота по имени Борлда с тремястами сивыми кобылицами» ханский сын, увидев красавицу-жену Борлды, теряет рассудок [3, с. 42], в сказке «О хане» хан Манджин Ваня также теряет всякое соображение при виде жены-красавицы Чоды [Там же].

Оценочные признаки *уродливый / грязный* фиксируются в имени персонажа: *меклэ көвүн* ‘лягушка-мальчик’, *курн көвүн* ‘хорек-мальчик’, *үкр чиктэ хан* ‘хан с коровьими ушами’. Признаки *уродливый, грязный* оказываются временной низкой видимостью героя, которая меняется на положительную в результате сознательного перевоплощения. Так, в «Сказке о юноше-сироте» младшая жена хана, чтобы раскрыть тайну, превращается в старуху: *Ус-цасан ууж авад, күүкн Һарад йовна эн. Көгшин эмгн болад Һарна* [Там же, с. 96].

Предварительное рассмотрение персонажей волшебных сказок Санджи Бутаева позволяет сделать вывод, что каждый персонаж сказки наделен несколькими признаками. Так, в «Сказке о хане» на сюжетный тип СУС 465С «Красавица-жена» юноша Чода женится на девушке в птичьем облики, она помогает ему выполнить трудные задачи хана Манджин Вани [12]. Супруге Чоды как персонажу волшебной сказки соответствуют следующие оппозиции: «антропоморфный / неантропоморфный», «естественный / чудесный», «мужской / женский», «старый / молодой», «истинный / преображенный».

Таким образом, персонаж калмыцкой волшебной сказки – воплощение тех семантических признаков, которые создают конфликтные ситуации и обыгрываются в пределах эпизода или всего сюжета. Полученные результаты послужат основой для дальнейшего изучения персонажей калмыцкой волшебной сказки и составления базы данных «Калмыцкие сказочные персонажи».

Список литературы

1. Басангова Т.Г. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков // *Mongolica*. 2010. № IX. С. 95–98.
2. Борлыкова Б.Х. О сюжетных типах калмыцких волшебных сказок (репертуар сказителя Санджи Бутаева) // *Вестн. КИГИ РАН*. 2015. № 3. С. 137–141.
3. Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева) (2008) Записи 1971–1978 годов: в 2 кн. / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б.Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. Кн. 1.
4. Горяева Б.Б. Волшебные сказки из репертуара сказителя Санджи Бутаева // Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов: в 2 книгах / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б.Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. Кн. 1 С. 252–262.
5. Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011.
6. Джимгиров М.Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калмиздат, 1970.
7. Кичиков, А.Ш. Угин туск үг. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1979.
8. Надбитова И.С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: НПП «Джангар», 2011.
9. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik8.htm> (дата обращения: 17.09.2017).
10. Пропп В.Я. Морфология сказки / Гос. ин-т истории искусств. Л.: Academia, 1928.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946.
12. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru-skazki.ru/barag-comparative-index&type=465c.html> (дата обращения: 17.09.2017).

* * *

1. Basangova T. G. Demonologicheskie personazi v fol'klore kalmykov // *Mongolica*. 2010. № IX. С. 95–98.

2. Borlykova B.H. O szuzhetnyh tipah kalmyckih volshebnyh skazok (repertuar skazitelja Sandzhi

Butaeva) // Vestn. KIGI RAN. 2015. № 3. S. 137–141.

3. Buutan Sanžin tuul's (Skazki Sandzhi Butaeva) (2008) Zapisi 1971–1978 godov: v 2 kn. / vstup. st. N. G. Ochirovoj; sost., podg. tekstov i prilozh. B.H. Borlykovoij. Jelista: KIGI RAN, 2008. Kn. 1.

4. Gorjaeva B.B. Volshebnye skazki iz repertuara skazitelja Sandzhi Butaeva // Buutan Sanžin tuul's (Skazki Sandzhi Butaeva). Zapisi 1971–1978 godov: v 2 knigah / vstup. st. N. G. Ochirovoj; sost., podg. tekstov i prilozh. B.H. Borlykovoij. Jelista: KIGI RAN, 2008. Kn. 1 S. 252–262.

5. Gorjaeva B. B. Kalmyckaja volshebnaia skazka: sjuzhetnyj sostav i pojetiko-stilevaja sistema. Jelista: NPP «Dzhangar», 2011.

6. Dzhimgirov M. Je. O kalmyckih narodnyh skazkah. Jelista: Kalmizdat, 1970.

7. Kichikov, A.Sh. Ygin tusk yg. Jelst: Hal'mg degtr harhach, 1979.

8. Nadbitova I.S. Sjuzhety, obrazy i stilevyje tradicii kalmyckih volshebnyh skazok. Jelista: NPP «Dzhangar», 2011.

9. Novik E.S. Sistema personazhej ruskoj volshebnoj skazki [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik8.htm> (data obrashhenija: 17.09.2017).

10. Propp V.Ja. Morfologija skazki / Gos. in-t istorii iskusstv. L.: Academia, 1928.

11. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. L.: Izd-vo Lenigr. gos. ordena Lenina un-ta, 1946.

12. Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov. Vostochno-slavjanskaja skazka [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.ru-skazki.ru/barag-comparative-index&type=465c.html> (data obrashhenija: 17.09.2017).

Д.М. МАЛАМАГОМЕДОВ
(Махачкала)

ИСТОРИЯ АРАБОГРАФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Освещен вопрос становления и развития арабографической письменности на аварском языке с древнейших времен до 30-х гг. XX в. Существование письменности не только у аварцев, но и вообще у народов Дагестана до присоединения к России категорически отрицалось. На основе имеющихся источников доказывается наличие письменности у аварцев еще задолго до присоединения к Российской империи.

Ключевые слова: *Дагестан, аварская письменность, албанское письмо, арабская графика, «аджам», грузинская графика, латиница, кириллица.*

Первые сведения о появлении письменности у народов Дагестана относятся к периоду существования Кавказской Албании (первые века нашей эры). Об этом свидетельствует каменная плита, обнаруженная около селения Верхнее Лабкомахи (Левашинский район Республики Дагестан), на которой хорошо сохранилось около 40 знаков, близких к древнеалбанской письменности.

После распада Кавказской Албании в Дагестане активно происходил процесс распространения христианской религии со стороны Грузии [12, с. 136–137]. Процесс христианизации в Аварии носил довольно сложный характер и изучен исследователями довольно обстоятельно [14, с. 61]. Вместе с христианством в Аварию стал проникать и ислам. Соответственно, две мировые монотеистические религии боролись за утверждение своего вероучения, две религии на одной территории вступили в противостояние за сферу влияния. В свою очередь, арабский Халифат со второй половины VII в. начал военные походы на Кавказе. Главной целью этих кампаний было утверждение на новой территории ислама и обращение местных народов в ислам [9]. Появление войск Тимура в 1395 г. также внесло серьезные коррективы в дело окончательной христианизации горного края. И все же позиции христианства оставались сильными в разных районах Аварии вплоть до XV и даже XVI в.

“Individual status” of the characters of Kalmyk fairy tales

Based on the famous work by E.S. Novik “The System of characters of Russian fairy tales”, the article deals with the semantic features that determine the “individual status” of the characters of Kalmyk fairy tales from the repertoire of Sandzhi Butaev. The analysis of the semantic features indicate that a character of Kalmyk fairy tales embody those semantic features that create conflict situations and are played within an episode or the entire story.

Key words: *Kalmyk fairy tales, character, semantic characteristics, individual status, gender, age, individual qualities.*

(Статья поступила в редакцию 11.09.2017)